

ЛОГИКА ПОСТРОЕНИЯ МОДЕЛИ ЭПОХИ В ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ Н. И. КРУКОВСКОГО

В формировании той или иной эпохи, как и в формировании отдельного человека, бывает период, когда речь идет главным образом о приобретении и утверждении принципа в его неразвитой еще напряженности. Однако более высокое требование состоит в том, чтобы этот принцип стал наукой.

Г. В. Ф. Гегель. Наука логики

Исследование созидательного потенциала в философском наследии Н. И. Круковского (1923–2013) — одна из наиболее актуальных проблем современного философствования. По характеру своей мыследеятельности Н. Круковский был близок к тому кругу мыслителей XX в., для которых решение актуальных проблем онтологии и когнитологии было не самоцелью, а способом созидания и совершенствования *человеческой ситуации* — первоначального условия в строительстве достойной человека жизни. Категория «жизнестроительство» имеет программное значение в декларациях творческих союзов конца 20-х годов — «Перевала» и «Узвышша», альтернативных по отношению к официальным структурам типа РАПП и БелАПП. Жизнестроительная ориентация Н. Круковского подчеркивается его обостренной реакцией на гипертрофированный антропоцентризм. Эпоха глобализованной утилизации ресурсов жизнедеятельности открывает для ретроградного субъективизма широкие возможности в его всепоглощающей, ликвидаторской активности. В целях самоопределения обычно используются идеологические спекуляции, переходящие в формы открытого цинизма: иди и истреби! Построенные, как правило, на пропаганде приоритета материального аспекта бытия над духовным.

Философский поиск Н. Круковского имеет своей целью трансформацию принципа жизнестроительства в систему *логики формирования модуля* новой эпохи, сознательно ориентированной на утверждение в социальной жизни общечеловеческих ценностей идеала — как создаваемой человечеством и объективно существующей духовной реальности. Масштабный характер творческого замысла ставил философа перед необходимостью рефлексии суммарного общечеловеческого опыта постижения диалектики бытия. Его работа «Блеск и трагедия идеала» (2004) по масштабам и глубине обобщений в сфере диалектической логики смысла имеет очевидное преимущество перед исследованиями подобного рода, в которых диалектическая логика обычно рассматривается не как целостное динамическое единство, а фрагментарно, по этапам, как постфеномен, детерминированный лишь характером конкретной эпохи. Н. Круковский в динамике открывает план имманенции, объединяющей в эволюционный ряд логику Упанишад и даосизма, классической философии Античности, томизм Средневековья и диалектику Нового времени. Высшим достижением на этом пути белорусский философ справедливо считает когнитивный опыт Канта и Гегеля, обогативших логику наукоучения понятием *трансценденции*, которое Н. Круковским трактуется как взаимопроникновение и взаимообращение противоположностей в процессе становления, деградации и возможной ревитализации суперсистем и подсистем вселенной. Так, характерная для культурфилософии XX в. проблема выбора решения в критической ситуации в дискурсе Н. Круковского обретает универсальную значимость, что в свою очередь открывает возможность более полного видения и углубленного понимания субъектно-объективного единства человека и созидательных сил вселенной. Человечество, овладевая огромными запасами энергии, имеет возможность продлить свое присутствие в космическом пространстве — не на путях волюнтаристского «покорения природы», а через постижение строгой логики неорационализма, беря на себя ответственность за регулирование созидательных и разрушительных (ликвидаторских) сил в структуре природного и человеческого бытия, негэнтропии и энтропии. Одна из самых злободневных задач современного наукоучения — преодоление радикального индивидуализма и обезличивания в методологии научного исследования. Рефлексия Н. Круковского не ограничивается критикой радикального противопоставления материализма и идеализма, детерминизма и телеологии. Его теоретико-системный метод предусматривает построение целостной в синхронном и диахронном аспектах модели когнитивной деятельности и выводит

поисковую мысль в сфере интегрированного решения всегда конкретного вопроса об истине в тесной связи с вопросом о сущности субъекта.

Жанровую форму своей последней монографии «Блеск и трагедия идеала» (2004) Н. И. Круковский определил как «философские этюды об идеалах и суверенитете». Проблема идеала в этом исследовании является доминирующей и трактуется как объективно существующая духовная реальность и атрибутивная характеристика *человеческой ситуации* — природы человека, его сущности. Автор сознательно отверг рецептурную методику исследования и не предлагает читателю тавтологические дефиниции, якобы вполне готовые для воплощения их в социальный быт. Философ оценивает качественный уровень актуальной ситуации, реализуя потенциал детерминизма и телеологии, поскольку взятая изолированно детерминистская мотивация оставляет в тени перспективы человеческого самоутверждения. В наличном *жизненном мире* (Э. Гуссерль) *забота* (М. Хайдеггер), по-белорусски *жыццёвыя клопаты* (И. Мележ) профанируются модой и идеологическими штампами до уровня массового сознания толпы с атрофированной способностью к *творческому порыву*. Обыденному сознанию с ампутированной потребностью в *творческой* интуиции можно без особых усилий навязать стиль речевого общения, лишенный смысла и ни к чему не обязывающий его участников. Подобные формы имитации действия Якуб Колас в своих педагогических работах называл пустословием. М. Хайдеггер — болтовней, заполняющей пространство ноосферы. Глобализация одновременно с новейшими возможностями человеческого общения и взаимопонимания приносит «дары данаев» — искушение жить без забот и сожаленья, без Идеала, жить за пределами смысла.

Философское осмысление Н. Круковским проблемы идеала в «жыццёвых клопатах» (житейских заботах) современника в белорусском культуроведении отражает одну из характерных особенностей его развития — действие духовного ресурса, вполне достаточного для того, чтобы дать достойный ответ на нигилистские вызовы эпохи. Особенно остро белорусский менталитет реагирует на радикальные вызовы индивидуалистической методологии, для которой социальные институты — всего лишь «абстрактные модели» для истолкования фактов индивидуального опыта. В такой когнитивной ситуации для составления понятия об армии, например, достаточно размножить понятие об одном солдате. В этой связи критику методологического индивидуализма в работе Роя Бхаскара «Общества» (1985) следует оценивать как прорыв в блокаде индивидуалистического шовинизма. Аргументы автора

заслуживают внимания не только логиков и философов, но и тех, кого в белорусских Статутах относили к сословию людей простого звания, а гуманисты называли «людом посполитым». Р. Бхаскар справедливо полагает, что строго индивидуалистическое, несоциальное объяснение человеческого поведения вообще невозможно: «Ибо предикаты, обозначающие свойства, присущие отдельным лицам, — все предполагают социальный контекст для своего использования. Соплеменник подразумевает наличие племени, учет чека — существование банковской системы. Объяснение — будь то подведение под общие законы, обращение к мотивам и правилам или новое описание (определение) — всегда и неизбежно включает социальные предикаты»¹.

Предикатизация, социальная больше всякой иной, есть результат и свойство релятивистского восприятия действительности — единство философского поиска истины в тумане абстракции и проясненной логической форматизации добытого философского разумения. Н. Круковский в книге «Блеск и трагедия идеала» выстраивает холистическую систему когнитивной деятельности, в которой итоговым компонентом выступает подсистема норм и принципов гоминизирующего поведения субъекта культуры, живущего заботой ее продления в новых поколениях. Этот период в динамике психогенеза Ж. Пиаже определил предикатом *праксис*. Разговор идет о формировании инструментария, необходимого для воплощения суммарного человеческого смысла — идеала в реальном жизненном мире, требующем обязательной коррекции проекта. Онтологический аспект идеала Н. Круковский плавно переводит в формы социальной философии и общей социологии и формирует моральные императивы и референты, обретающие структуру логически прозрачного дискурса — национальной идеи, возникающей на основе национальной философии, рефлексии на мировой культурный процесс. Дальнейшая эманация смыслов от общего к отдельному (единственному, у Н. Круковского — к особому) осуществляется в монадологической форме, структурированной способом установления координационных и субординационных связей внутри систематизированной картины бытия этноса в культуре. В завершенном виде макроструктура знания напоминает здание, в стены которого вставлены блоки, укладываются кирпичи, составленные из цемента, песка, глины, воды. Все элементы в системе встроены по принципу подчинения их высшему абстрактному смыслу. Подобные функции также должны

¹ Бхаскар Р. Общества // Социологос / Сост., общ. ред. и предисл. В. В. Виноградова, А. Ф. Филиппова. М.: Прогресс. 1991. С. 221.

были выполнять и огромные камни в стенах зданий храмовой и замковой архитектуры, предания и баллады в структуре эпических поэм. Монадологическая их структура преследует магические цели.

Содержательные значения внутри монадологической картины знания изменчивы и подвижны. Уровень суммарной их активности зависит от объема и уровня информированности субъекта, его способности в формировании контекста и высказывания — суждения (*Urteil*), которое в философии Канта и Гегеля принципиально противопоставлено необязательности *мнения* и семантически почти тождественно значению приговора (выраку). Мнение (*Meinung*) в белорусском языке этимологически соседствует со значением лексемы *мана* (обман, ложь).

Проблема *Urteil*-высказывания и тесно с ней связанная проблема здесь-бытия *Dasein* в конце XVIII и начале XIX столетий были объектом особого внимания в творчестве Канта и Фихте. Гегель подчеркивал неоднократно: без теоретико-философского понимания и интерпретации бытия нет истины. Для постижения смысла и роли абстрактного знания обыденным сознанием Н. Круковский использует сетку параллелей и меридианов, линии которых не совпадают с очертаниями берегов, материков и течением рек, но тем не менее создание географической сетки открыло возможность истинного познания планеты Земля. Рассудок (здравый смысл) в условиях реального цивилизационного процесса был направлен на познание не сущности, а явления. Рассудок, отрешенный от познающего сущность Разума, ограничен «познанием только субъективной истины, только явления, только чего-то такого, чему не соответствует природа самой вещи; *знание* низведено до уровня *мнения*»². Так выглядит в трактовке Гегеля система соотношения феномена и ноумена в субъективном идеализме Канта.

Сам же Гегель настойчиво искал в бытии, включая и бытие вещей, *в себе и для себя сущее* — идею, мысль, сознание, которое он даже называл *материей науки*: «Это объективное мышление и есть *содержание чистой науки*»³. Взятая в своей чистой форме как «чистая мысль» наука есть *логика*, которую «следует понимать как систему чистого разума, как царство чистой мысли», как «*истину, какова она без покровов, в себе и для себя самой*»⁴. Однако же Гегель с его ориентацией на объективную диалектику самодвижения бытия все же оставлял место

² Гегель Г. В. Ф. Наука логики. СПб.: Наука, 2002. С. 35.

³ Там же. С. 39.

⁴ Там же.

и для абсолютного субъекта — «Бога, каков он в своей вечной сущности до сотворения им природы и конечного духа».

С тех пор, однако, прошли тысячелетия. Уже Гераклу предстояла большая чистка конюшен прогресса, основанного на эксплуатации конской и человеческой (хотя и рабской) силы. Во времена Гегеля уже, пожалуй, и не было в жизненном мире истины в ее чистом виде. Разум, а тем более отчужденный от нее рассудок, тоже бывает всякий: добрый, хитрый, умный, жестокий, а в XX столетии — еще и сатанинский, циничный, лживый. Предлагая вместо истины всего лишь мнение, он (а если точнее, то она — наука) легко уходит от ответственности за свои высказывания. В этом контексте понятной становится забота Гегеля, а потом и неокантианцев Марбургской школы о первородной абсолютной чистоте этики, науки, эстетики, искусства. Впереди уже вместо истины по Европе бродили призраки партийности. Для воссоздания объективной и подлинной картины бытия (мира) нужны усилия коллективного субъекта, чтобы вернуть в жизнь первоначальный смысл бытия — «истину без покровов».

Гегель в своих туманных, казалось, абстракциях уже различал контуры противоречивой динамики бытия в грядущих десятилетиях. В его диалектике нет места для идиллических утопий, но есть логика самоутверждения всеобщего субъекта через постижение истины — диалектика установления смысла, как в философской трагедии Гете «Фауст».

В Советском Союзе о чистоте больше всех заботились идеологические структуры. В довоенное время партийные чистки были нормой государственной жизни. Обычно они превращались в «зачистки» — расправу начальства с неугодными ему «уклонистами». Однако, вопреки официальной норме, в эстетике художественного слова крепло движение, альтернативное по отношению к идеологии «казенной радости» и одновременно к философии воинственного иррационализма. На этом направлении сформировалась школа белорусского психоанализа с характерным для него синтезом отражающей и генерализирующей рефлексии. По своей природе это движение сближается с направлением, которое в России связано с деятельностью таких мыслителей, как В. С. Соловьев (1853–1900; «Три разговора»), погибший в сталинских лагерях Г. Г. Шпет (1879–1940; «Феноменология как основная наука и ее смысл»). В западноевропейской когнитологии путь к действенному неорационализму целенаправленно прокладывало феноменологическое движение в философии и эстетике (А. Н. Уайтхед, Г. Зиммель, А. Бергсон, М. Хайдеггер, Г. Башляр), заново открывались смыслы и значение вещей, пространства, бытия, языка (преимущественно живого).

В США в первой половине XX в. сложилась школа, в которой ключом к новому пониманию смысла бытия считалась семантика художественно-эстетической деятельности, ориентированной на воплощение в жизнь идеи разумного и осмысленного существования (С. Лангер «Философия в новом ключе», 1942; Ч. У. Моррис «Знаки, язык и поведение», 1946). Американская феноменология в центр внимания поставила проблему дискурса как знаковой формы высказывания (общения) — музыкальной, пластической и вербальной. Последняя трактуется как универсальная форма обобщения смыслов.

Проблема смыслотворческой, а значит и культуротворческой функции языка была в центре семиотических изысканий академика Н. Я. Марра (1864–1934). В хрестоматии «Вопросы языка в освещении яфетической теории» (1933) он поместил свою работу «Палеонтология семантики», в которой делал вполне обоснованную и успешную попытку выйти за пределы индоевропоцентризма. Исследуя историческую семантику языков «яфетических» народов (по Библии — потомков Яфета, расселившихся на Кавказе), Н. Марр подчеркивал значение культурно-хозяйственного опыта в развитии семантики. Это был ответ на вызов вульгарного материализма, сводившего культуротворческую и, в итоге, нациотворческую миссию языка до средства общения на социально-бытовом уровне. Но с этой задачей вполне справляется вульгарно-канцелярский жаргон, в который интенсивно укореняется лексика криминального элемента. Н. Марр открывал в культурогенезе эпохи *космического* и *этнического* словотворчества, что позволяет глубже осмыслить роль в общем антропогенезе установки на философско-обобщенный характер уже первоначальной, отражательной рефлексии. Человеческое сознание развивалось как сознание философствующее в формах аналогии, аллюзии, аллегии, символа — в формах МЕТАфоры. Эта особенность культурогенеза отчетливо проступает в семантике бестиария — сказках о животных, баснях. Фольклорный дискурс вообще начинается с обобщенной картины бытия, в которой всегда есть в наличии качественный континуум. Н. Марр предлагал исследование языковедческой проблематики в ее системной целостности, с учетом единства процессов *ассоциации* и *диссоциации* в структуре этногенеза. «Языковедческие» работы И. Сталина («Относительно марксизма в языкознании», 1950) на десятилетия остановили процесс логических *исследований* в разных отраслях знания на огромном пространстве многонационального Советского Союза. Однако остановить живую мысль в ее поиске истоков и конструировании логической формы смысла уже не могла ни рука бюрократического монстра,

ни всевидящий глаз диктатора. В феноменологическом движении европейская мысль обрела новые ресурсы духа, обращаясь к вещам zum Saehen, опосредованно подобно Антею, — к материнской силе Земли, ее детородного низа. Парадигмальная логика этого поворота показана и осмыслена в исследованиях народного творчества. Наиболее ярко и убедительно — в работах М. Бахтина (1895–1975), раскрывшего в народной смеховой культуре ее духовно-очистительный и созидающий катарсис. На фоне его книги «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» становится очевидным отсутствие исследования, равноценного по силе проникновения мысли в созидательную сущность трагедийного канона, в *органическое единство трагического и комического* — качественных характеристик бытия в народной культуре, особенно тесно связанных между собой в обрядовом действии. В белорусском фольклоре *трагикомическое* существует не только как жанровая логическая форма, но и как содержательно ценностная категория, как *диалектическое единство взаимопроникающих противоположностей*. Эта магическая абстракция давно зафиксирована в народной речи и действует в оксюморонной феноменологической форме Urteil — изречения (высказывания), оценки ситуации «Плакаць брыдка і смяяцца грэх».

В своем философском творчестве Н. Круковский обращается к опыту грамады (общины) опосредованно — как продолжение рефлексии смысла и принципов первоначально имманентной демократической организации общества, вытекающей из кровнородственного единства человечества, но уже осмысленной в ранних философских системах — буддизме, даосизме, конфуцианстве, в опыте понятийной логики Платона и аналитики Аристотеля. Вершиной на этом уровне абстрактно-общественного осмысления и моделирования пути человека из пещеры неведения к звездам является народная мысль, логически и структурно оформленная Гегелем. Как *метод истины*, который продолжает и развивает свойственный народной культуре метод постижения завершенных и продолженных циклов бытия и не приемлет механического членения, когда «берут отдельно *бытие, сущность и всеобщность*»: «В силу указанной выше природы наука (т.е. учение — А. Р.) представляется замкнутым в себя *кругом*, в начало которого — в простое основание — вплетается путем опосредствования [его] конец; причем круг этот есть *круг кругов*, ибо каждый отдельный член как одухотворенный методом есть рефлексия-в-себя, которая, возвращаясь в начало, в то же время есть начало нового члена. Звенья этой

цепи суть отдельные науки, из коих каждая имеет некое „До“ (Vor) и некое „После“ (Nach), или, говоря точнее, имеет лишь „До“, и в самом своем заключении *показывает* свое „После“⁵.

Круг, цикл, а затем сферические формы — это наиболее архаические и, можно сказать, наиболее совершенные образы-графемы бытия, подчеркивающие мысль о самодвижении духа жизни-к-себе и для-себя в его чисто логическом виде.

Гегелевская форма диалектики и бытия у Н. Круковского приобретает вид организмической структуры — внутренне подвижной макромонады. Формы жизни в кругу кругов в целом и в отдельных подсистемах-кругах переходят фазы *начала, расцвета, упадка и смерти*. Эти фазы могут иметь не обязательно жесткую структуру. Открытая Гедоном теорема неполноты дает возможность обнаружить феномен взаимопроникновения противоположных качеств на границах, например, соприкосновения жизни и смерти, что делает возможным поиск вариантов в картине диалектики Н. Круковского. Для примера приведем один из них: *явление (рождение) — преодоление — становление — выход*. Такой вид процесс может иметь в границах «До» и «После». Логика означенного цикла познания, переживания и социального действия предусматривает обязательную активность субъекта не только внутри структуры. Направляющая рука разумного рассудка и рассудочного разума переносит в настоящее смыслы, добытые в прошлом и вынесенные в будущее, имеющие уже статус объективной духовной реальности.

Деятельность субъекта определяет направление синтеза — выхода в никуда или к звездам. Так логическая диалектика «круга кругов» в философском наследии Н. Круковского трансформируется в форму *синусоиды*, сущность которой реализуется в амплитуде возвышения и падения, в трансформации взаимопроникающих *энтропии* и *негэнтропии*. Так выглядит авторская модель динамики подлинной жизни. Ее истоки тоже просматриваются в народной когнитологии, точнее — в магической формуле земледельческого календаря: «Высока і караніста, глыбока!». Главная здесь интенция — это мобилизация жизненной силы природы и духа на преодолении энтропии. Так диалектическая логика бытия открывает субъекту необходимость быть в постоянной готовности к принятию решения, необходимого для сохранения ситуации полноценной жизнедеятельности. Аристотель подобное состояние обозначал термином *синестазис*, Гегель использовал категорию *тождество*. В обоих случаях исключается необходимость полного уничтожения

⁵ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. С. 770.

одного из полюсов парной противоположности. Ориентация берется на диалектическую трансформацию значений и поиск оптимального решения противоречивых проблем в границах наличного бытия. Для большей убедительности Н. Круковский предлагает читателю в качестве наглядного примера семантику *безмена*, удерживающего равновесие регулировкой длины плеча. Качественный уровень гомеостаза зависит не от безмена, а от регулирующей руки, а рука есть орган власти, находящийся в распоряжении субъекта. Мифологическому мышлению уже были известны сторукие и трехкокие субъекты. Эгоистические и узкокорпоративные интересы имеющего неограниченную власть субъекта преобразуют его волю в разрушительную силу, искажающую природу идеала — бытия как процесса всеобщего становления и совершенствования, как *радасці існавання* (радости существования) в единении с миром-вселенной. Злая воля превращает власть в аппарат насилия, как правило, меньшинства над расчлененным большинством. Человеческий мир в результате становится морем, даже океаном зла и насилия. Собственно человеческое бытие-в-себе как таковое оставляет поверхность социальной сферы. Об опасности тотальной энтропии уже на ранних этапах культурогенеза предупреждают эсхатологические мифы. В XX в. в философском и художественном творчестве талантливых деятелей культуры — сигналы тревоги, «знаки беды», например, в творчестве Василя Быкова. Мотив противостояния океану-дьяволу стал организующим центром хронотопа и даже стиля в творчестве видных писателей, художников и философов уже в Новое время. Его семантика обогащается новыми смыслами в творчестве прежде всего тех деятелей культуры, которые стремятся воссоздать линию постижения человеком смысла и назначения бытия в целом и конкретной истории, чтобы получить ясный ответ на существенные вопросы: что есть добро, зло и истина и куда мы идем? В белорусском контексте в этом же семантическом ряду существенное значение имеет вопрос *кто мы?*, равноценный гамлетовской дилемме *быть или не быть* (белорусский вариант — стоять «на ростанях», на судьбоносном перекрестке — «*вялікім скрыжаванні*»). Сама постановка этих вопросов уже требует от субъекта обоснованного знания возможностей человека как субъекта бытия в потоке историко-культурного процесса, или, что то же самое, в процессе творения и воплощения в жизнь идеала. Наиболее существенные результаты поиска на этом направлении имеет поэтология — суммарный опыт знания и понимания сущности человека, обретенный творческим поиском и эстетике и искусстве. В поисках первоначального смысла жизни искусство обращается к сфере ее изначального возникновения

в водной стихии. В этом контексте раскрывается семантика образа *водных девок* в мифологии — символа чаще всего несостоявшегося или утраченного материнства. Водяная (морская, речная, озерная) топики активно используется в мифологии (неомифологии), искусстве и философии эпохи кризисов. Ретроспективное движение оснащенного аподиктической дедукцией субъекта к «чистым» истокам (криницам) истины позволяет ему избавиться от наивной доверчивости и уже с позиций *критического оптимизма* (термин В. Самойлы) оценить значение и обозначить роль и место *присутствующего Dasein'a* — *здесь-бытия*, в картине его общей эволюции. В системе белорусской поэтологии это означает «*уцяміць*» (понять) ценность (этическую, эстетическую, экзистенциальную, социальную) «*роднага кута*» (родного угла — «*старонкі роднае*» (отчизны) в общей картине бытия. В белорусской поэтологии *Dasein* (*тутасць* (*приверженность к месту рождения*), *тут-быцце*, антиномия неопределившейся *тутэйшасці* — деградирующему в ситуации денационализации и детерриторизации несчастного сознания) — это, кроме иных смыслов, еще и момент восстановления разорванной цепи текущего времени, вхождения субъекта со своим темпоральным ресурсом в поток вечности:

Жывеш не вечна чалавек, —
Перажыві ж у момант век!

Каб хвалявалася жыццё,
Каб больш разгону ў ім было,
Каб цераз край душы чуццё
Не раз, не два пайшло!⁶

М. Богданович.

«Жывеш не вечна чалавек» (1911)

Диалектика противоречивого единства энтропии и негэнтропии не совместима с тактикой пассивного ожидания счастливого мгновения и, тем более, с тактикой выхватывания момента из общего потока времени. Критический оптимизм Н. Круковского предусматривает не только бифуркацию — движение в противоположных направлениях, — но преодоление субъектом инерции во взглядах на асимметричность времени, реализующего свое присутствие в результатах

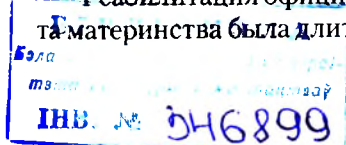
⁶ *Багдановіч М.* Поўны Збор твораў. У трох тамах. Т. 1. Вершы, паэмы. Мінск: Навука і тэхніка, 1992. С. 121.

эволюции или деградации бытия: историческое и социальное время может быть не только «застойным» — регулирующая рука может повернуть время вспять, в царство омертвевшей стабильности.

Пунктом отсчета социокультурной динамики в концепции Н. Круковского является эпоха смуты и темного царства, «шарага часу» (серого времени), в котором хранится энергия духа — творческого импульса минувших эпох. Для регулирующей руки бюрократии, исполняющей волю эгоцентрического или корпоративного интереса, комфортным, в определенном смысле — идеальным было бы состояние, позволяющее ей управлять движением корней в глубину сущности, урезать крону древа познания до уровня понятий заказчика о добре, зле и смысле, быть владычицей морскою и иметь всегда к услугам золотую рыбку. В реальной ситуации приходится довольствоваться более скромными, но все же существенными достижениями: моллюскообразным состоянием трудящейся массы, приученной безмолвствовать в минуты роковые, находясь в гарантирующей безопасность раковине, которую при желании можно отождествить с культурной нормой. Масса, правда, иногда может выплыть из раковины на улицы и площади с требованием хлеба и зрелищ, но ее можно убагатворить зрелищным шоу и даже использовать в игре «Бульжник — оружие пролетариата». После бунта, который в империи — это отметил в свое время великий А. С. Пушкин — страшный, а еще «бессмысленный и жестокий», приходит время депрессии.

Рождению новой эпохи предшествует эпоха руки, возделывающей ниву под руководством духа — разума и совести, когда дитя времени передается из материнских рук традиции под опеку направляющей руки Философа. История искусства наглядно демонстрирует закономерность духовного становления человека: его способность постижения философской сущности бытия начинается в культуре материнства, а поэтика обряда, отражающая возрождение жизни, становится матрицей философии жизни, абстрагируется до уровня диалектической логики, медленно, но неуклонно перерастающей в критическую, рефлексирующую философию понятия. Жизнеутверждающее материнское начало виллендорфской женской фигурки (35 тыс. лет до н. э.) трансформировалось в глубокие философские размышления, определяющие содержание образа женщины, найденного в д. Черновода в Румынии (4 тыс. лет до н. э.). Переход от матриархата к патриархату был прогрессом, ставящим под сомнение первоначальные духовные ценности человеческого сообщества — приоритеты материнства, рода и братства.

Реабилитация официально обесцененного в древних тираниях культ материнства была длительной и трудной. Путь, однако, привел, через

полосу сакрализации Матери Божьей, к постижению смысла и значения в истории человечества роли Матери человеческой. Существенные сдвиги на этом направлении были сделаны в эпоху Просвещения. Обобщая опыт поиска истины в скептицизме и идеализме, Гете в трагедии «Фауст» показал путь к единству этих разнонаправленных векторов в поисках истины, воплощенных в противоположных ценностных установках Мефистофеля и Фауста, кстати сказать, героев немецкой народной книги, по духу близких с белорусскими народными типами *задумных і цікаўных* (вопрошающих), в ситуации поиска аргументов для обоснования противоположных философско-мировоззренческих установок: оптимистической (Фауст) и пессимистической (Мефистофель). Вместе они прошли по лабиринтам цивилизационного прогресса, очищая европейский палимпсест от напластований лжи и фальши, и увидели, что собрание в императорском дворце министров, дам, высшего духовенства и шабаш Вальпургиевой ночи тождественны по своей сути. Хваленую гармонию античной цивилизации на развилке эпох, *на ростанях*, регулировщики (власти предрержащие) повернули к гедонизму, к идеалу сладостной смерти в оргазме. Открытие этой стороны цивилизационного процесса шокировало целеустремленного Фауста, но на помощь ему приходит... его оппонент — Мефистофель, посланник дьявола:

Я эту тайну нехотя открою.
 Богини высятся в обособленьи
 От мира, и пространства, и времен.
 Предмет глубок, я трудностью стеснен.
 То — Матери.⁷

(Перевод Б. Пастернака)

В. Сёмуха в своем переводе «Фауста» на белорусский язык подчеркивает значение экспрессивного момента в означении роли материнства на пути к истине:

Адкрыю тайну, хоць не ад душы:
 У адзіноце недзе царкуюць багіні.
 Няма ні часу, ні прасторы ў іхняй сферы,
 То — Мацеры!
 (Гётэ Е. В. Фаўст. Мінск: Маст. літ., 1976. С. 217).

⁷ Гете И. В. Фауст. М.: Художественная литература, 1969. С. 262.

Гете осмысливает трагические последствия нигилистического отношения к материнству — экзистенциалу, смысл которого положен в основу понимания биосоциального единства природы человека. Цивилизация вытеснила ценность материнства за пределы здесь-бытия. Греческие боги и богини, не знающие заботы материнства и отцовства, видели смысл жизни в вечном наслаждении, которое сводилось к удовлетворению примитивных, доведенных до уровня перверсии интересов желудка и гениталий.

Обобщая опыт современного математизированного естествознания и общей теории систем, Н. Круковский в онтологии поднимает на уровень абсолюта идею организмической природы вселенной-праматери всех возможных форм бытия, «неживой» и живой природы. Абсолютная идея немецкой классической философии в эпоху авангардистских прорывов и вывертов нашла свое отражение и воплощение в семантике эволюционного ряда, имеющего начало в антропоморфных образах материнства, начиная с верхнего палеолита. Всеобщая Мать-Природа — Мать Божия — Абсолютная Идея — Мать человеческая — Мать — душа вселенская София — так вырисовывается в свете фазовой диалектики Н. Круковского динамика *извечно-женского* (Гете) негэнтропийного явления — конца — начала в современном опыте философии жизни в культурном пространстве Центрального и Восточного регионов Европы. В. Самойла, уже отмечалось, эту фазу в построении эстафеты Логоса-смысла видел как этап *критического оптимизма*. В диалектической логике Н. Круковского основополагающие принципы этого движения реализуются в динамике субъект-объектных взаимоотношений.

Власть над силами и ресурсами жизни и смерти ставит перед человеком по-новому вопросы его ответственности за жизнь на планете Земля. Сегодня категории Мудрость, София, Душа рассматриваются как онтологическая проблема: *быть или не быть?*

Получив из рук Мефистофеля ключ от дверей в «сплошной вакуум», Фауст почувствовал, что он должен духовно перестроиться, «пережить ужас», потрясение, переплавить в огненном горниле духа не только информацию о главном, о материнстве, задвинутом цивилизацией то ли в подземельную, то ли в заоблачную пустынь, переплавить предыдущий опыт интеллектуальный, эмоциональный, интуитивный. Европейское человечество, освободившее посредством философии разум из-под власти тирании на античной стадии своей истории, преодолевшее эсхатологический фатализм силой смеховой культуры в эпоху средневекового Ренессанса, в эпоху Просвещения

смогло успешно противостоять угрозе расплывающегося элементаризма и подняться на уровень трагедийного катарсиса — переплавки собственного общеевропейского Я, дееспособного субъекта дальнейшей истории человека.

Философский проект Н. Круковского предлагает человечеству избавиться от инерции антропоцентризма с его склонностью к самолюбованию и интеллектуальной лени: «душа обязана трудиться» (С. Городецкий). Здесь следует пересмотреть все еще действующую марксову позицию о заключительном, якобы смеховом финале исторической фазы. Смех — это первая, но всего лишь идеальная победа над силами зла: не так черт страшен, как его малюют! Заключительный же этап выхода в новую фазу бытия сопровождается невосполнимыми трагическими потерями, гибелью наиболее активных представителей громады (общества). Руководители народных движений обязаны это знать и заранее искать бескровные выходы из тупиковых ситуаций. Н. Круковский относится к тому крылу неогегельянцев, которые Идею возрождения стремятся реализовать через принцип «критического оптимизма», делая ставку прежде всего на абсолютного субъекта, на высокий уровень духовной культуры — альтернативу большевистскому хилиазму, с его опьянением риторикой на тему «счастье битвы». В структуре онтологического единства энтропии и негэнтропии метод критического оптимизма выполняет сначала регулирующую функцию невидимой руки, систематизирующей созданные бытием — вселенной — природой материалы для построения системы (дома) знаний — поэтического эпоса, Библии, Академии. Так идеал воплощается в форму здесь-и-сейчас-бытия, Dasein'a. В белорусском варианте бытие — это неразделимое единство мироздания и родного *кута (угла)*, «*свет бязмежны (бескрайний) — мой дом*» (Я. Колас). Качественный уровень наличного бытия, таким образом, зависит от способности человека координировать свою деятельность с действием мировых сил, созидательных и разрушительных, Логоса — смысла (сэнсу) и всеокрушающего Ликвидатора (Чернобога, Князя тьмы). В мифологии созидательные и разрушительные силы часто воплощены в оксюморонной персонификации — в образах Шивы, деда (Мороза) и даже юного бога весны Ярилы с черепом в руке. Атрибутивные знаки мифологических персонажей наглядно демонстрируют начало гносеологических истоков конструктивизма XX в. в глубинных пластах народной культуры.

В контексте конструктивистского движения в XX в. возникла и синусоида Н. Круковского. Автора названной конструкции интересует

прежде всего потенциал жизнестроительства, вырабатываемый внутри сферы, означенной овальным контуром амплитуды. Обобщая данные макро- и микрофизических исследований, Н. Круковский включает логику науки в диалектическую логику философии, объединяющую в единстве когнитивного действия прогностику и телеологию. Философия на этом направлении освобождается от чести быть служанкой методологии, идеологии и науки и постигает истину методом синхронического стяжения и сопряжения смыслов идеала и опыта экстенсивного знания, теологии и детерминизма. Так формируется важнейший принцип философского культуроведения — принцип *интенционного конструирования* — человеческого здесь-бытия, человеческого присутствия в текущем времени вечности и как результат целенаправленной работы духа и разума, души и рассудка. Степень же совершенства, а значит, и действенная сила воплощенного в жизнь идеала зависит уже от степени совершенства главного инструмента. Таким первоначальным в иерархии ценностей инструментом для человека является его рука.

Семантика человеческой руки непрерывно, в процессе эволюции, обогащается новыми значениями и смыслами. В XX в. топос *рука* активно абстрагируется от уровня сенсорно-адаптивной деятельности и переключается на уровень концептуальной рефлексии, в сферу метафизики, что в психологическом аспекте трактуется как развитие «в направлении обратимой мобильности», которая и есть, согласно Ж. Пиаже, «не что иное, как сам критерий равновесия»⁸, созданного интеллектом, нейтрализующим активность тотальной деструкции. Именно в этом, делает вывод Ж. Пиаже, «состоит существенная черта операций, характеризующих живую логику в действии». Движение интеллекта в направлении обратимой мобильности привело к воссозданию гротескно-реалистического стиля и так называемого примитивизма, осознанно отдающих предпочтение значению и смыслу перед изошренной формой. Традиционные мотивы *рука Всевышнего, у врат рая, ворота в ад, ворота в бессмертие (брама неїміручасці)* концентрируют внимание на тонкой и чуткой мембране, разделяющей бытие и небытие, жизнь и смерть. Эти смыслы, означенные в лексиконе Н. Круковского единством категорий энтропия и неэнтропия, вполне успешно могут действовать в релевантной форме персонифицированной пары *рука Ликвидатора — рука Интеллекта*. Н. Круковского, однако, больше интересует процесс реабилитации понятий и создания

⁸ Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969. С. 69.

ауры, атмосферы для творческой активности интеллекта. Творчество белорусского мыслителя раскрывается как ответ на нигилистские вызовы, перечеркивающие когнитивный опыт философии понятия. Ф. Ницше, например, стремится вызвать у собеседника чувство ненависти к «понятиям — ублюдкам». Н. Круковский действует в русле национального языкотворчества, для которого XX в. стал эпохой семантического прорыва в блокаде официозной догматики и выхода к обновленному пониманию основополагающих смыслов бытия. Так, например, общеизвестные эстетические категории в его предшествующих «Блеску и трагедии идеала» работах рассматриваются в системе моделирования и становления субъекта в статусе *homo pulcher* — человека, творящего и воплощающего в социальную действительность идеалы в соответствии с объективной живой логикой красоты. Из собранных в пучок (Н. Марр) вероятностей и возможностей рука Интеллекта, владеющая методом синхронического конструирования, строит модель подлинного бытия из материалов бытия наличного — реальных противоречивых его значений. Их носителями на данном этапе являются экзистенциалы минувших эпох, насыщенные актуальными социальными значениями в современности. Предложенная Н. Круковским система воспринимается уже как объективно существующие духовные ценности. Так в XX столетии возникли в Беларуси насыщенные интеллектуальной, экспрессивной, эмоциональной, этической и эстетической коннотацией концепты: *спадчына (наследие)*, *скарб (состояние)*, *радасць існавання (радость бытия)*. Каждый из них имеет свой денотат, материальный и поэтический прообраз и, стало быть, имманентный первородный смысл, который, к сожалению, в ситуации радикальной смены жизненного уклада выпадает из памяти новых поколений. Абстрагированные до уровня ноумена концепты вне прямой их связи со своими антиподами действуют уже как абсолюты, как объективно существующая норма, руководство к действию.

Н. Круковский в своей теории идеала к вопросам ретроспекции смысла обращается тогда, когда нужно восстановить план имманенции, чтобы «прайсці праз вернасць» (доказать свою верность — М. Танк), однако смысл предшествующего опыта жизнестроительства пульсирует в его дискурсе в форме аподиктического знания, очевидностей аксиоматической логики и сверяет, подобно китайскому *дао* или индийской *дхарме*, направление избранного человечеством, а главное — соотечественниками, пути в *завтрашній день* и *поиска будуче-го*. Содержание белорусского аподиктического дискурса означено в системе художественных концептов предшественниками Н. Круковского

в формах поэтической концептологии, воплотившей смыслы бытия в национальной картине мироздания — белорусском космизме, объединившем смысловым единством макро- и микромиры: «*свет бязмежны (безграницный) — мой дом*» (Я. Колас). Особое место в этой концептосфере занимает логико-абстрактный аспект категории *материнства*. Даже обыденный компонент его содержания воспринимается как законченное в самом себе сущее с его началом, становлением, преодолением и выходом (выйсцем) — для повторения нового круга бытия. Однако для нескольких поколений в XX в. выход к новым кругам бытия стал невозможен. А если возможен — то только на стадии растительной формы жизни — на уровне травы, горлицы и Иван-чая на братских и семейных кладбищах. А многие перешли в класс минералов: «попелам сталі» (превратились в пепел, в прах). Материнство как ценностная категория на уровне властных структур в XX в. не имеет смысла. Женщина их интересует не как мать, а как фабрика, поставяющая рекрутов в аппаратные структуры. Эти особенности бытия теперь-и-здесь не могли не влиять на детерминацию, телеологию и, главное, на *выход* в общей структуре фазовой (стадиальной) диалектики мыслителей, переживших годы репрессий и мировых войн.

Цель и первоначальные мотивы и импульс своего философского поиска Н. Круковский не скрывает от читателя. Автор исследования доверчиво делится с читателем своим опытом уже в предисловии. Структура и пафос его размышлений об идеале сразу направляет внимание на семантику белорусской книжной традиции. «Блеск и трагедия идеала» напоминает жанровые формы слова, гутарки и «предмолвы» минувших столетий. В творчестве Ф. Скорины предисловия и послесловия были трансформированы в форму философской интерпретации книг Старого Завета. В XIX в. в Беларуси в условиях колониальной зависимости этот жанр трансформировался в форму *гутарки* — социально-философской миниатюры, ставшей действенной формой просвещения после ликвидации в 1832 г. Виленского университета. Философское сознание Н. Круковского типологически и в первую очередь по его теологической направляющей формировалось на основе национального гештальта, зафиксированного в комплексе культурного героя мифологии и сказки, самостоятельно принимающего решение вернуть людям украденные у них Великим злодеем, пришедшим на смену Великому инквизитору, солнце, звезды и месяц и выйти из-под власти тьмы и хаоса, взойти на орбиту подлинного бытия и подлинного исторического времени. Это первая фаза воплощения в жизнь национального идеала — построение своего государства-дома, территориальной

национально-демократической республики — альтернативы государству-казарме с ее ГУЛАГовским аппаратом управления, а точнее тотальной ликвидации духовности. Рождение республики можно считать с определенной долей условности явлением соборной (социальной) экзистенции, в лоне которой формируется сложная динамика социальных структур и индивидуальных экзистенций. И все они так или иначе работают «по идее», на дальнейшее воплощение в жизнь идеала, уже в социальной форме его инобытия, обеспечивая эстафету преемственности и усовершенствования отношений внутри социума. В этой фазе энтузиаста «сачыць груганнё» (стеречь от воронья — Я. Купала) социум должен «*уметь идти*» — организовать динамику собственного роста, отдавая преимущество интенсивному развитию над экстенсивным, укреплять консолидирующие интенции негэнтропийного ресурса. Аппарат управления на второй фазе бытийной динамики должен стать наглядным воплощением в жизнь идеи нравственности.

Освободив диалектику от обязанностей служанки методологии, науки и идеологии, Н. Круковский открыл для соборного субъекта возможность избавиться от опасности существования под железной пятой бюрократического монстра, зачехнуть в персоналистском изоляционизме, раствориться в элементаризме. Белорусский философ успешно развивает классическую традицию критической, а точнее — рефлексивной диалектики. Его гражданское кредо целиком совпадает с позицией художников и литераторов, выступивших от имени *выбитого* на войне поколения. В. Быков был одним из наиболее ярких представителей в когорте авторов «лейтенантской прозы». Он неоднократно подчеркивал мысль о том, что главная миссия литературы — предупреждение об опасности социальной катастрофы. Такую же предупреждающую функцию *знака беды* выполняет и философский дискурс Н. Круковского. Белорусский писатель и белорусский философ предупреждают об опасности, которую несет так называемый постфилософский концептуализм. Диалектика противоречивого единства бытия и его духовного и материального компонентов вскрывает опасность энтропии, идущей снизу. Платон был одним из первых философов, предупреждавших об опасности трансформации демоса в охлос. Диалектика Н. Круковского не исключает вероятности симметричного движения времени, социального прежде всего, — движения вспять. В народной культуре этот вариант энтропии в феноменологической форме был объектом рефлексии уже в мифологии. В современной белорусской культуре позиционируется в ситуации *ваўчыная яма* (*волчья яма*). В одноименной повести В. Быкова это яма уже радиоактивная. В эту воронку, опасность

которой предвидел гениальный Данте в «Божественной комедии», в повести В. Быкова «Вау́чная яма» незаметно втягиваются представители, так сказать, всех социальных страт, исключая разве что высшее политическое руководство. Направление критического оптимизма ставит и в той или иной мере решает проблему субъекта бытийного процесса в тесной связи с необходимостью достичь состояния ясности в понимании стратегических вопросов бытия — состояния, которое в античной философии было означено термином *алетейя*. Преодоление *нашей непросвещенности* в век науки было также объектом *озабоченной рефлексии* М. Хайдеггера.

В системе диалектической логики Н. Круковского первоначальная фаза становления осознающего смысл бытия субъекта начинается с формирования психической установки бихевиористской или гештальтской, а в перспективе — их синтезом: «Согласно с первой делом начиналось со внешних единичных стимулов и реакций на них, в результате суммирования которых и создавалась какая-то общая идея, которая закреплялась условным рефлексом и сама уже преобразовывалась в своеобразную установку. По другой концепции именно первая была общая идея в виде гештальта как определенной целостности, или, как сказали бы мы сегодня, структуры, которая предопределила отдельные единичные действия. Что-то похожее видится и на уровне логичного мышления. Там также выступает знакомая нам двойственность в лице индукции и дедукции. Дедукция идет также от общего к особенному, индукция — наоборот. При этом стоит обратить внимание на то, что если сама противоположность гештальт — бихевиоризм работает на уровне эмоционально-образного мышления, близкого к полюсу материальности и свойственного не только человеку, но и животным, то уже вторая такая роль, как дедукция и индукция, действует в сфере мышления понятийно-языкового, более близкого к идеальному полюсу и характерного только для человека»⁹.

Так синтез эмоционально-образного и понятийного мышления формирует и обогащает новыми значениями смысл идеала и совершенствует эмоциональную сферу субъекта и, значит, культуру межличностных отношений, консолидируя сингулярности в соборное, национальное Я. Очень важно, чтобы эти процессы проходили в их единстве. Чисто идеалистический подход обычно приводит к односторонней асимметричности модели — пассивного инструмента в руках чуждой ему высшей воли. Сам Бог при этом превращается в тоталитарного

⁹ Рукопись, С. 121.

диктатора наподобие иудейского Яхве, и тогда закономерно вступает в силу правило: верую, ибо нелепо. В такой ситуации даже гегелевский идеализм, делает бескомпромиссный вывод Н. Круковский. «приводит к такому нежелательному явлению, как фанатизм»¹⁰, а в сфере функционирования общества — к тоталитаризму. Гегель не случайно считал, что истина должна быть конкретной. И одновременно — абстрактно-обобщенной, поскольку иначе она вовсе не будет мыслью, способной развиваться в направлении обратимой мобильности. На этом направлении формировалась палеонтология семантики Н. Марра. В работе «Карфаген и Рим» он собрал в «пучок» онтологически близкие значения в словах «рука», «женщина» («мать»), «вода»: «Палеонтология речи установила незыблемость для определенных эпох троичной полисемантической слова, означающего руку: это — „рука + женщина (мать) + вода“. Когда вопрос о „женщине“, то прежде всего речь о производительнице потомства, и с этим пучком значений мы сразу захватываем три мира, именно, помимо материального с техникой, искусством и знанием („рука“), мир социальный („мать“) и космический, природу („вода“»¹¹.

Рассматривая семантику слов в тесной связи с формой и мировоззрением социальной структуры, Н. Марр открывает в языкотворческом процессе стадии развития мировоззрения: космического, социально-этнического, технологического. Но сегодня для нас главную ценность этих изысканий Н. Марра составляет то, что автор в семантике слов «рука», «женщина», «вода» открыл имманентный материнству первоначальный, бытийный смысл — ценность жизненного процесса во всей его полноте, начиная с рождения. Обратимая мобильность интеллекта таким образом возвращает в современный опыт сократовский метод *майевтики* — путь истины, начиная с ее пренатального, возможного нахождения в нерасчлененном комплексе представлений о сути. Мать Сократа была повитухой, помогала человеку при рождении. Этот процесс был означен термином *майевтика*. А Сократ помогал рождению мысли. Он не навязывал ученикам готовые догмы, он регулировал самостоятельный поиск истины, используя метод майевтики — целенаправленной постановки вопроса. Гносеологические истоки диалектики Платона и аналитики Аристотеля начинаются в вопрошающей майевтике Сократа, но еще раньше поисковый метод истины был оформлен в таких фольклорных жанрах, как загадка, дума, сказ, в медитациях

¹⁰ Руконись. С. 113.

¹¹ Марр Н. Я. Яфетидология. С. 351.

и диалогах брахманизма, буддизма, даосизма, конфуцианства. Суть содержательной динамики подобных форм заключена в вопросе о смысле бытия в целом или в определенном его цикле или круге, начиная с рождения и заканчивая смертью. Хайдеггеровские экзистенциалы с их напряжением между полюсами жизни и смерти также сродни стилю сократовской майевтики. Концепция жизнь-в-смерть — не экзистенциал философа, а отражение извращенной сути бытия в условиях тоталитаризма.

Эвристический смысл майевтики Сократа Н. Круковский включает в свой грандиозный синтез и даже дает ему предпочтение, когда обращается к структуре субъективного идеала:

«Если начинать от низа, то и тут это будут нормы семьи, родни, друзей и знакомых, производственных коллективов, профессиональной общности, класса, нации, социально-культурного региона, человечества и, наконец, как абсолютно духовной инстанции — Бога» (Рукопись, с. 119).

Такой абсолютно духовной инстанцией в системе Н. Круковского является структура структур — самодвижение структуры «от низа», от руки материнства. Белорусская поэтология в XX в. довела до высшей степени ясности путь к истине, преодолевая абстрактную незавершенность рафинированного образа мадонны и матери Божией, утверждая идею первоначала подлинного бытия — эманацию света жизни, от почерневших, а в живописи К. Малевича совсем уже черных, рук матери-крестьянки, утверждающих идеал по имени ХАРАСТВО (ПРЕКРАСНОЕ) — идеал единства добра, красоты и силы.

Поколение, избавившее человечество от угрозы физической и духовной его ликвидации в мировом крематории, смогло передать воплощенную в идеале ХАРАСТВА энергию полноценной жизни в руки вступающего в фазу гражданской зрелости поколения, вышедшего в жизнь «з вогненной вескі» (из огненной деревни). Живые национальные и духовные идеалы нации объединяют «отцов и детей» и становятся живой силой — душой народа, имманентной самой себе в ее историческом становлении. Поэт А. Вертинский пишет в стихотворении «Высокое небо идеала»:

Мая душа чалавечая спала,
вякамі спала да той пары,
пакуль не ўбачыў цябе ўгары,
пакуль нада мною ты не зазгляла, —
высокае неба ізала!

Калі адкрыў я цябе аднойчы,
убачыў сябе з тваей вышыні, —
сталі іншымі мае вочы,
сталім іншымі мае дні.
Ты новым сэнсам іх асвятляла,
высокае неба ідэала!

Социальный итог осуществленного Н. Круковским синтеза значений локального хронотопа и общечеловеческой нормы идеала реализуется в практике создания локальных семейных, соседских территориальных культурных кланов, группировок, товариществ. Этот путь привел белорусский этнос в XIX столетии из политического тупика к суверенитету в XX столетии.

Алексей Рагуля